

Евгений ШЕХАНИН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.М. ПУРИШКЕВИЧА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ И В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Имя В.М. Пуришкевича, лидера «черносотенцев» и главы правых в российском парламенте, стало нарицательным в годы первой российской революции. О депутате из Бессарабии весьма негативно отзывались и вождь революции В.И. Ленин, и виднейший его противник, по словам Ленина, «умный вождь русской буржуазии», П.Н. Милюков. Наряду с П.А. Крушеваном, А.Н. Крупенским, Л.К. Кассо, П.В. Синадино он входил в когорту деятелей, заставивших общественность заговорить о «молдаванском периоде» российской истории. Уже поэтому роль В.М. Пуришкевича в российском монархическом движении требует научного исследования.

Владимир Митрофанович Пуришкевич родился в 1870 г. в семье помещика Аккерманского уезда. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе. Работая в канцелярии уездного предводителя дворянства в Аккермане, добился общественного доверия и был избран почетным мировым судьей, почетным попечителем гимназии. В 1897-1900 гг. В.М. Пуришкевич занимал пост председателя уездной земской управы. В 1900 г. он переехал в Петербург и в 1904 г. стал чиновником для особых поручений при министре внутренних дел В.К. Плеве. Это был знак высокого доверия. Но министр был в том же году убит террористами-эсерами, и Пуришкевич в МВД не прижился. В 1906 г. он ушел со службы, возвратился в Бессарабию и был избран во II Государственную Думу¹.

В Думе Пуришкевич отвергал любые попытки ограничения самодержавия, выступал не только в поддержку православной церкви, но и за ограничение деятельности священнослужителей других конфессий. В социальном плане он выдвигал туманные требования единения царя с народом и избавления народа от «кровопийц», под которыми подразумевались евреи, поляки, международный капитал и даже царские министры. Обсуждение социально-экономических проблем он пытался направить в русло межэтнических разборок².

Пуришкевич часто демонстрировал презрение к парламентской «говорильне». Утверждавшиеся в России принципы демократии, которые он ненавидел, позволили ему систематически дискредитировать идею

«народного представительства». Это подметил и антагонист Пуришкевича из крайне левого лагеря Л.Д. Троцкий: «Что же таит в себе В.М. Пуришкевич? Или, может быть, сам вопрос надо поставить иначе: каковы те недостатки механизма демократии, которые позволяют ему, Пуришкевичу, быть вождем, политической фигурой... Мы говорим о демократии, ибо несомненно, что без вторжения демоса на священную территорию политики В.М. Пуришкевичу пришлось бы безвестно влачить дни свои в степях Бессарабии»³.

Революцию В.М. Пуришкевич трактовал как антигосударственное, антинациональное, антирусское явление и принял участие в формировании главной организации российского государственно-охранительного («черносотенного») движения – Союза русского народа. Он не чуждался повседневной политико-организационной работы, обладал даром оратора, доступом к думской трибуне и занял пост заместителя председателя Союза. Однако ненадолго. Уж в 1907 г. В.М. Пуришкевич вошел в конфликт с лидером СРН профессором А.И. Дубровиным, был смещен с поста товарища председателя Союза и вынужден покинуть организацию. Но не смирился. В феврале 1908 г. Пуришкевич и его сторонники создали новую «черносотенную» организацию – Союз русского народа имени архангела Михаила. Пуришкевич был известен в стране, а в родной Бессарабии даже популярен, и это помогло ему добиться избрания также в III и IV Думы.

В годы мировой войны лидер правых словом и делом поддерживал правительство. На собственные средства снарядил он санитарный поезд и вывозил на нем раненых с фронта в тыл. Но осенью 1916 г. нарастающая в стране разруха вынудила Пуришкевича занять более критическую, чем прежде, позицию по отношению к монархии. 19 ноября 1916 г. он произнес в Государственной Думе «историческую» речь, полную критики в адрес правительства. Правые круги в большинстве своем от него отвернулись, признав изменником монархическому принципу; другие отнеслись с пониманием, но также не поддерживали. Но Пуришкевич был намерен спасти монархию. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. он принял участие в убийстве Г.Е. Распутина, «злого гения» царской семьи, ненавидимого едва ли не всей Россией. Наказан он не был, более того, на недолгое время В.М. Пуришкевич стал едва ли не «национальным героем».

Но убийство Распутина не спасло Россию от революции. Напротив оно послужило ее первым выстрелом, и глубоко символично, что произвел его человек, истово защищавший старый порядок. Февральская революция 1917 г. положила конец существованию монархии и, естественно, монархического Союза архангела Михаила. И все же после революции Пуришкевич оказался чуть ли не единственным правым деятелем, удержавшимся на политической арене. Своей непримире-

мой позицией по отношению к большевизму и критикой Временного правительства, либерализма вообще он начал возвращать к себе расположение консервативных сил русского общества⁴.

После Октября 1917 г. В.М. Пуришкевич решительно выступил против советской власти. Он был арестован большевиками как член контрреволюционной монархической организации. В марте 1918 г. ему был вынесен мягкий приговор - общественно полезные работы, а к 1 мая лидер правых был вообще амнистирован. Явно рассчитывая продолжить политическую борьбу, он заявил: «Я остался тем же, кем был, само собой разумеется, не изменившись ни на йоту». В сентябре, после покушения на В.И. Ленина, большевики развернули красный террор, и уже эта фраза могла стоить Пуришкевичу жизни, но он своевременно выехал на юг России, где формировалась Добровольческая армия, и принял участие в Белом движении.

Сведения о последнем периоде его политической жизни скудны, а ряд моментов его биографии времен гражданской войны и вовсе неизвестен. По сути, единственной на сегодняшний день работой, специально посвященной политической деятельности Пуришкевича в 1918-1920 гг., является небольшой очерк В. Бардадыма⁵. Из приведенных им и другими историками данных следует, что бывший лидер Союза архангела Михаила сохранил волю к борьбе, авторитет среди правых и способность к политическому действию. Он попытался противопоставить большевикам то, чего не имелось у белых генералов, – положительную политическую программу и государственно-политический стержень – Всероссийскую национально-государственную партию.

ВНГП была создана по инициативе Пуришкевича в 1919 г. в контролируемых белой армией А.И. Деникина областях на юге России. Главный совет партии находился в Ялте, ее «отделы» (региональные организации) имелись также в Ростове-на-Дону, Одессе, Кисловодске, Новороссийске, Екатеринодаре, Харькове⁶. Председателем партии, естественно, стал сам В.М. Пуришкевич. Ему удалось собрать под ее знамена «цвет» дореволюционной фракции правых и русских националистов в думских и правительственных кругах. В Главный Совет партии вошли Н.Н. Фермор (товарищ (заместитель) председателя), В.В. Касаткин (секретарь), Л.М. Савелов (управляющий делами), А.И. Асеев. В руководство партии входили также известный поэт-монархист С.С. Бехтеев (сын члена правой группы Государственного Совета, видного деятеля Объединенного дворянства С.С. Бехтеева), граф Д.М. Граббе, бывший член фракции националистов и умеренно-правых в III и IV Государственных Думах, член Всероссийского национального клуба (ВНК) и Совета Всероссийского национального Союза Н.Н. Ладомирский, А.И. Мосолов (в прошлом деятель правой группы Государственного Совета и член Совета монархических съездов),

Я.Н. Офросимов (бывший член Государственного Совета, ранее сотрудничавший с Пуришкевичем во Всероссийском Филаретовском обществе народного образования), брат Владимира Митрофановича М.М.Пуришкевич, в прошлом участник Русского Собрания, а также известные в то время деятели правого лагеря В.С. Мясоедов, М.М. Раевский, Н.И. Юрлов⁷.

Николай II скомпрометировал династию Романовых даже во мнении монархистов. В ВНГП обсуждался вопрос о выборе царя из другой ветви Рюриковичей, например, из рода графов Шереметевых. Кстати, представитель этого рода входил в руководство партии⁸. Впрочем, вокруг вопроса о будущем кандидате в монархи в ВНГП, похоже, единой позиции не было. Сам Пуришкевич на роль диктатора, призванного навести порядок в стране до провозглашения законного монарха, предлагал все-таки представителя дома Романовых – великого князя Николая Николаевича, на коем, как писал лидер ВНГП, «почиют чистые надежды лучшей части русского общества». «Большевистская власть в России, если мы желаем спасения России, – отмечал в 1919 г. Пуришкевич, – должна быть заменена властью беспощадного русского диктатора, обязанностью коего явится найти и жестоко покарать главных виновников, обративших народ в зверя, после чего преемником этой власти должен быть только русский Царь-Самодержец»⁹.

В разгар гражданской войны, в условиях распада Российского государства В.М. Пуришкевич выступал за восстановление «единой и неделимой» России. Этот лозунг стал главным программным требованием белых, обеспечившим им поддержку части патриотических сил. Но даже бывший «черносотенец» не считал целесообразным насильственно удерживать в составе православной России католическую Польшу. Восстановленное русское государство, провозглашала ВНГП, должно включать всю территорию Российской империи, за исключением Польши.

Менее реалистичной была приверженность В.М. Пуришкевича православной самодержавной монархии. «Только как Монархия и Монархия Самодержавная может и будет существовать единая, неделимая, независимая Православная Россия», – такие слова были начертаны на стилизованном под свиток листе, который держал в руке на одной из фотографий 1919 г. лидер ВНГП. Что касается программы партии, то она была изложена в брошюре М.М. Пуришкевича «Республика или Монархия?», изданной в Ростове-на-Дону в 1919 г. Главным Советом ВНГП. Вступительная статья, написанная В.М. Пуришкевичем, носила программный характер, определяя позицию партии по такому основополагающему вопросу, как характер и форма государственности России по окончании гражданской войны. Декларируя приверженность монархии, В.М. Пуришкевич уже не был сторонником самодер-

жавия. При возрожденной в России монархии, полагал он, будет создано двухпалатное представительное собрание, причем одна треть верхней палаты будет назначаться верховной властью. ВНГП декларировала также расширение местного самоуправления, низшей единицей которого мыслился церковный приход, объединяющий «для хозяйственных целей всех граждан без различия вероисповедания, а по вопросам церковным – только православных», разрешение аграрного вопроса в духе уничтожения общины и создания мелкой собственности за счет всех земель, кроме частновладельческих, запрет на пропаганду социализма. Также провозглашалось, что «народное образование должно носить характер церковно-государственный, лишь в исключительных случаях допускается инициатива частных лиц при контроле со стороны церкви и государства»¹⁰.

Выступая против политики полумер, провозглашая непримиримую борьбу с большевизмом, признавая «твердость этой власти и волевой импульс ее проводников», В.М. Пуришкевич определял главной целью советской власти «растление христианских народов мира в интересах иудаизма»¹¹. Антисемитизм был свойствен всем антисоветским националистическим движениям, особенно в Польше, на Украине и на Дону, поэтому Пуришкевича можно заподозрить в стремлении поэксплуатировать политическую конъюнктуру. Но в России, – а именно на ее общественность следовало ориентироваться в борьбе за власть в государстве, – антисемитские взгляды разделяли, скорее, политические экстремисты, а не большинство населения. После выступлений Пуришкевича в Кисловодске и Харькове с публичными лекциями на тему еврейского участия в революции отдел пропаганды Добровольческой армии отметил в своих донесениях, что эти выступления прошли «при огромном стечении народа» и имели «шумный успех». Но, продолжали деникинские пропагандисты, «принимая во внимание то обстоятельство, что [...] Пуришкевич имел успех, главным образом, среди интеллигенции, можно [...] утверждать, что партия его успехом среди народа пользоваться не будет, так как последний слишком чутко реагирует на все, напоминающее правый монархизм»¹². Таким образом, использование лозунгов антисемитизма даже белым представлялось политической ошибкой.

Вряд ли способствовали сплочению антибольшевистских сил и призывы Пуришкевича к политической непримиримости. Во времена, когда белые наступали на Москву и деникинцы особенно нуждались в поддержке всех антибольшевистских сил, он заявлял, что «всякие заигрывания с социалистами и кадетами всех мастей обречены на полный провал: они увеличат только то колоссальное море святой крови русского воинства, которое пало в гражданской войне за идею Единой России», делая из этого вывод, что «только Монархия может спасти

Россию; [...] только при наличности Царской власти обеспечены для России как ее Государственное единство [...] так и политическая мощь и влияние на ход исторических событий среди держав мира в грядущие годы»¹³.

В этом Пуришкевич был прав. Четкая постановка большевиками вопроса о будущей власти («Власть – Советам!») находила больший отклик в народе, чем данное белыми обещание созвать после свержения Советской власти Учредительное собрание. Партия Пуришкевича выступила также с резкой критикой действий руководства Добровольческой армии, считая, что руководители Белого движения борются лишь с последствиями (т.е. большевизмом), а не с причинами – ослаблением православной веры и монархического чувства в народе, либерализмом, подготовившим почву для прихода к власти большевиков. Выход из сложившейся ситуации виделся лидеру ВНГП в «устранении от власти всех политических фетюков – разрушителей России» (т.е. либералов – в особенности «блудоязычных кадетов», а также социалистов, примкнувших к Белому движению) и содействии психологическому сдвигу народных масс вправо путем установления «волевой диктатуры», с последующим восстановлением самодержавной монархии¹⁴.

Открыто провозгласив монархические и национал-патриотические принципы, критикуя белые правительства, ВНГП, естественно, оказалась в оппозиции к «непредрешенческой» политике, которую проводили А.В. Колчак, А.И. Деникин и другие вожди Белого движения. Оппозиция справа тоже была оппозицией. Поэтому администрация генерала А.И.Деникина препятствовала работе монархистов, и возможностей тиражировать свои взгляды у Пуришкевича было немного. ВНГП, неспособная развернуться в мощную политическую структуру, получила от своих противников уничижительное прозвище «партии курортников». Рупором ВНГП призван был стать журнал русской монархической народно-государственной мысли «Благовест». Первый его номер вышел в Ростове-на-Дону только в декабре 1919 г. Журнал открывался символичным стихотворением Пуришкевича «Молитва», в котором рефреном повторялись следующие слова: «Боже, помилуй нас в смутные дни, / Боже, царя нам верни!». В ряде статей, преимущественно написанных лидером ВНГП (в том числе и под псевдонимом «В.Чарский»), журнал также декларировал позицию новой партии по основным политическим вопросам. Кроме того, Пуришкевич безжалостно обрушивался на Осведомительное агентство и Бюро пропаганды Добровольческой армии («Осваг») из-за «недостатка русских фамилий» и непропорционально большой доли евреев¹⁵. Однако стать влиятельным национально-монархическим изданием «Благовесту» так и не довелось – первый номер журнала оказался и последним.

Осенью 1919 г. деникинские войска были разбиты, началось их отступление к портам Черного моря. В.М. Пуришкевичу и его единомышленникам следовало эвакуироваться. Но жизнь политика оборвалась внезапно. В январе 1920 г. он заболел сыпным тифом и скончался. С его смертью прекратила свое существование и ВНГП.

В отличие от большинства дореволюционных лидеров правых сил, в годы революции и гражданской войны В.М. Пуришкевич не прекратил политической борьбы. Однако его попытка сформулировать идеологию, призванную сплотить государственно-охранительные силы, оказалась несостоятельной, потому что не предлагала приемлемого решения главных социальных вопросов России того времени – рабочего и крестьянского. По существу проигнорировал он и национальный вопрос. Но следует признать, что на политической арене В.М. Пуришкевич неизменно выступал с российских государственно-патриотических позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суляк С. Ими гордится Молдавия // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2006. № 3 (5). С. 134.
2. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 1 / Под ред. Бабилунга Н.В., Боменко, Б.Г. Тирасполь, 2000. С. 462.
3. Там же. С. 462-463.
4. Иванов А.А. Русская монархия. М., 2003. С. 34.
5. Суляк С. Указ. соч. С.138. См. также: Бардадым В. В.М.Пуришкевич на Кубани. Штрихи к политическому портрету // Бардадым В. Кубанские портреты. Краснодар, 1999.
6. Бутаков Я.А. Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. // Новый исторический вестник. 2002. N2 (7). С. 18; [Степанов С.А.] В.М.Пуришкевич // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 340.
7. Пуришкевич М. Монархия или Республика? Издание Главного Совета Всероссийской Народно-Государственной Партии. Ростов-на-Дону, 1919. С. 19.
8. Бутаков Я.А. Указ. соч. С. 18.
9. Благовест. Журнал Русской Монархической Народно-Государственной мысли. Ростов-на-Дону. 1919. N 1. С. 2, 23.
10. Бутаков Я.А. Указ. соч. С. 18.
11. Пуришкевич В. (Вступление) // Пуришкевич М. Республика или Монархия... стр. без номера.
12. Бутаков Я.А. Указ. соч. С. 18. Автор ссылается на: ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 69.
13. Пуришкевич В. (Вступление) // Пуришкевич М. Указ. соч.. Стр. без номера; Благовест. С.1.
14. Благовест. С. 1-2, 24.
15. Там же. С. 3-5.